

Романы Николая Задорнова,
опубликованные
Издательством АЗБУКА:

АМУР-БАТЮШКА
ЗОЛОТАЯ ЛИХОРАДКА
ДАЛЕКИЙ КРАЙ
ПЕРВОЕ ОТКРЫТИЕ
КАПИТАН НЕВЕЛЬСКОЙ
ВОЙНА ЗА ОКЕАН

Николай Задорнов

ВОЙНА ЗА ОКЕАН

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
З 15

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Татьяны Павловой

Задорнов Н.

З 15 Война за океан : роман / Николай Задорнов. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2025. — 736 с. — (Русская литература. Большие книги).

ISBN 978-5-389-30083-5

Николай Павлович Задорнов (1909–1992) — известный писатель, автор романов, повествующих об освоении Сибири и Дальнего Востока русскими первопроходцами. Особое место в творчестве Н. П. Задорнова занимает цикл произведений о выдающемся мореплавателе Г. И. Невельском, руководителе Амурской экспедиции, способствовавшей укреплению России на Тихом океане. В настоящее издание вошел завершающий цикл роман «Война за океан», в котором значительное место занимает рассказ о героической обороне Петропавловска-Камчатского в 1854 году в ходе Крымской войны против англо-французской эскадры. В основу увлекательного сюжета легли подлинные воспоминания участников обороны.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

ISBN 978-5-389-30083-5

© Н. П. Задорнов (наследники), 2025
© Оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2025
Издательство Азбука®

Реванш, который Россия должна была взять у Франции и Англии за свое военное поражение под Севастополем, теперь осуществился.

Ф. Энгельс.
*Успехи России на Дальнем Востоке*¹

¹ «Успехи России на Дальнем Востоке» — статья Фридриха Энгельса (1858).

Глава первая В КАЗАРМЕ

— Подобин, на пост! — услышал матрос сквозь сон голос унтер-офицера Салова.

Иван Подобин быстро сел на нарах, вытянул жилистые руки, напрягаясь всем телом, словно сиюминутно что-то стряхнуть с себя. Руки гнутся плохо, и «шкура» как задубела. «Как меня нынче одолело, — думает Подобин, — не цинга ли подбирается? Прилег соснуть перед вахтой и заспался». Унтер-офицеру пришлось потрясти Ивана за плечи.

Салов — низкий и плотный, светло-русый, стрижен ежом, с маленькими карими глазами, с веснушчатым лицом в мелких, частых морщинах. Он попал в экспедицию с брига «Охотск», который разбился здесь, в заливе Счастья, осенью прошлого, 1850 года и вытащен на берег. Команда осталась в экспедиции.

Унтер-офицер не уходил, ожидая, не придется ли еще раз будить.

В казарме душно и жарко. Два светильника с фитилями в жиру освещают нары со спящими людьми.

Недавно поужинали, многие улеглись, слышен храп, а иногда стоны. Кости у людей ноют: расчищали пост, откапывали из-под снега пушки и дома, занесенные позавчерашней пургой до крыш. Вокруг поста навалили валы больше чем в сажень.

У края чисто вымытого и выскобленного ножами стола горит свеча. На чурбане сидит рослый рыжеватый казак Парфентьев в матросской рубахе и шьет себе ичиги¹. Казаки экспедиции одеты в морскую форму. Парфентьеву завтра ехать на реку Амур через залив и горы прямой дорогой в Николаевский пост. Непрерывно люди назначаются ездить туда и обратно.

¹ *Ичиги* — род легкой обуви на мягкой подошве.

Подальше нары перегорожены холщовыми и цветными занавесками. За ними живут семейные.

Слышно, скрипит зыбка¹. Матрена Парфентьева, высокая, худая, изможденная женщина, еще молодая, со скуластым лицом и карими глазами, качает ребенка и то напевает ему песенку, то ругает и грозит выбросить собакам. Старуха-мать толкует с низкорослой смуглой соседкой — женой казака Беломестнова. Иногда в их разговор вмешивается Матрена.

Еще одна женщина — Алена Калашникова, — крепкая, молодая, со скуластым румяным лицом и коротким прямым носом, домывает пол. Она полуразогнулась, чтобы перевести дух, и обтирает потный лоб сгибом голой до локтя руки, а в другой держит мокрую тряпку над ведром и поглядывает с любопытством, как мучается, не оборя сон, сосед Иван. Она выскребла пол метлой с песком. У печи на веревке сушатся портянки, а на плите рядами, один на другом, — валенки и торбаса², меховые чулки, ичиги, все ступнями к горячей печке.

Заметив, что Алена смотрит, Иван Подобин несколько приобдирлся. Салов пошел дальше.

Алена, сунув босые ноги в валенки и придерживая на груди концы накинутого на голову платка, подхватила ведро с помоями. В дверях она столкнулась с молодым матросом Фоминым, несшим полную охапку березовых дров. Фомин взглянул на Алену исподлобья. Та прыснула и кинулась в дверь.

Из-за занавески выглянул муж Алены, матрос Мокей Калашников, назначенный недавно коком. У него черные усы под толстым вздернутым носом и брови черные и мохнатые. Лицо широкое и смуглое. Спросонья Мокей самодовольно и мельком глянул вслед жене, потом перевел взор на Фомина, который, стоя на коленях, укладывал дрова у печки. Обычно суровое лицо Мокея смягчилось и приняло насмешливое и презрительное выражение.

Иван Подобин нашел на веревке свои портянки, а у печи — валенки и обулся. Надел черную суконную рубаху, а поверх ее — полушубок и подпоясался потуже.

¹ Зыбка — колыбель.

² Торбаса — мягкие олени сапоги.

Вдоль одной из стен — стойка с ружьями. Матрос взял свою кремневку.

— Иван! — окликнули его с нар.

Скуластое лицо матроса Конева, старого приятеля и сослуживца, появилось из полутьмы.

У Конева белесые брови и узкие хитроватые глаза. Подобин и Конев вместе вышли из Кронштадта на бриге «Байкал», под командованием Невельского, побывали в Англии, обошли вокруг Горна, стояли в Южной Америке, справляли Рождество на Сандвичевых островах¹ у гавайского короля, потом пришли на Камчатку, оттуда пошли на устье Амура, искали вход в реку. Конев, идя на шлюпке, заметил первый, что из бухты несет течение, и так открыли Амур. С тех пор прошло более двух лет, и вот уже вблизи входа в огромный амурский лиман на юге Охотского моря, на песчаной косе, отходящей от материка, Подобин и Конев зимуют на Петровском посту, который ставили здесь сами в День Петра и Павла с капитаном Невельским в прошлом году летом.

Конев говорит редко, он молчалив и хитроват. Подобин тоже слов на ветер не бросает. Он прямой, бесхитростный.

— На пост? — хрипло спросил Конев.

— На пост.

— Смотри там...

— Чего смотреть?

— Пурга кончилась. Как раз пираты нападут... может, рыщут.

— Какие зимой пираты!

Конев всегда толкует про опасности, хоть сам и не робкого десятка.

Подобин присел на сырую от мойки длинную лавку и стал заряжать ружье. Он рослый, видный матрос, с высокой грудью и крепкой шеей. У него крупный нос, густые усы и бакенбарды и высокий лоб над светлыми жесткими бровями.

— А ты слышал, Фомин сегодня к бабке Парфентыхе присватывался? — спросил Конев и осклабился.

Подобин уложил запасные заряды в сумку, надел шапку, а поверх полушубка — огромную доху.

¹ Сандвичевы острова — Гавайские острова.

В другом конце казармы казак Кузнецов в тулупе затягивал кушак. Подобин подошел к нему. Они пошли в дверь вслед за Саловым.

«Всем живется голодно, — подумал Подобин, — а Салов наел рожу! Жрет что попало, всякую пропастину. Говорят, собачину у гиляков пробовал!»

Конев, оставшийся в казарме, улегся поудобней, кутаясь в одеяло. С осени всем выдали шерстяные одеяла. Хорошая вещь, тепло под ним! На пост сегодня не идти, можно спать.

А Фомин не на шутку сватался сегодня к старухе Парфентье-хе. Все потешаются. Конев и сам думает, что не худо бы жениться. Но не на шепелявой же бабке.

«Найдем место на Амуре с Геннадием Ивановичем хорошее, теплое, а после этого взять бы отпуск, съездить к себе в Пензенскую губернию и там жениться. И жену привезти сюда. Конев уже не крепостной человек после службы. Сказано, что здесь крепостного нет и каждый в Сибири может прожить сам! Вот бы!»

Подобин стоял на морозе у склада, который устроен в вытасненном на сушу бриге «Охотск». В вышине во мгле видны его высокие мачты. Летом на них поднимают сигнальные огни. Неподалеку возле казармы конура сторожевой собаки. Чуть что, пес учует, а то и схватит любого. Вокруг поста гиляцкие деревни, они тянутся вдоль лимана и по берегам реки до самого Николаевского поста. Стоят друг от друга в десяти — пятнадцати верстах. Считается шестнадцать деревень и в них населения шесть тысяч. А в экспедиции — сорок человек.

«Но Геннадий Иванович завел с гиляками дружбу и гнет на то, чтобы все с ними обходились хорошо. Эти гиляки — личности самостоятельные, вольные и даже самим маньчжурам не поддаются. Вообще-то, занятно пожить на такой земле, насмотриться всего, если бы только посытней».

Подобин терпит, знает, что долг. Все, кто служит, терпят. На то служба!

Луна взошла. Огонек горит в доме капитана. Долго не спит Геннадий Иванович. А холодно у него во флигеле, день и ночь топить надо. Да семейный, ему легче. Вот Калашников тоже в ус не дует.

А старик Мокринский мучается, хрипит все время, дышать не может. Говорит, как поест рыбы соленой, так все внутри горит и на сердце давит... Унтер Салов всегда с улыбочкой. Алена Калашникова как-то сказала Ивану, что когда служил Салов в Охотске, то просился в каторжную тюрьму в палачи. А сам веселый. Все с шуточкой.

Собака пришла, ткнулась в полы тулупа. Тишина. Поднимешься на вышку, и видно, как снега горят. По обе стороны косы уже давно замерзло море, не шумит. Красиво... Редкая ночь. А в пургу занесет весь пост так, что приходится выбираться через чердаки, пушки искать в снегу шестью на ощупь. Капитан велит от пушек снег отгребать.

Люди на посту начинают болеть. Подобин полагает, что это оттого, что мало дают винного уксуса и водки. К весне будет еще хуже. Если уксус закончится, начнется цинга. А приказчики Боуров и Березин тайком напиваются пьяные. Уверяют, что водку достают у гиляков.

На Николаевском посту у Подобина двое приятелей — Шестаков и Веревкин, которые тоже служили на корабле «Байкал».

Шестаков недавно приезжал из Николаевского поста и рассказывал, что Веревкин объявляет всюду, что будто бы, когда шли в сорок девятом году на шлюпке с лейтенантом Казакевичем, он, а не Конев увидел Амур первый.

Среди матросов, присланных из охотской портовой команды, есть такие, что играют в Николаевском посту краплеными картами, например Сенотрусов. Поэтому, видно, капитан и отправил несколько надежных людей, в том числе и своего любимца Шестакова, на дальний пост. На своих Невельской надеяться может. Значит, капитан сразу заприметил, каких птичек прислало к нему в экспедицию охотское начальство.

«На „Байкале“ ничего подобного не было. А тут народ — сброд, сбыты охотским начальством с рук не зря. Надо бы мне перемениться местами и спать рядом с Коневым. Со своим надежней. Правда, пока все спокойно».

В казарме все спали глубоким сном, дружный храп и тяжелое дыхание неслись из всех углов, когда черноусый и чернобровый Калашников при свете фонаря начал щепать лучину из высохшего у горячей печи полена.

Из-под занавески вылезла жена его Алена, зевнула, поправила волосы под платком. Поднялась и худая рослая Матрена Парфентьева, стала собирать мужа в дорогу.

Подобин и казак Кузнецов, сменившиеся в полночь, спали крепко. Едва зашлепала Алена по полу ногами, Иван проснулся.

Стукнула дужка ведра, потом подняли гулкую деревянную крышку полупустой кадушки, вода с поднятого полного ведра плеснулась обратно в кадку. Опять тяжело и быстро зашлепали босые ноги по чистому полу. Да, это Алена... Вот вода широко хлынула в котел.

Теперь слышались легкие шаги, пустое ведро стукнулось о край кадушки, снова погрузилось и опять вырвалось с водой, и опять раздались торопливые частые шаги.

Лучины занялись с треском. Калашников открыл стоявший в углу ларь, достал из него мешок с крупой, безмен, отвесил часть крупы, потом пошел в сени, при которых была кладовка с продуктами, и принес оттуда бочонок с мерзлым коровьим маслом. Он перевернул бочонок и, вывалив масло на стол, стал осторожно соскребать цвель, густой мохнатой зеленью покрывшую полукруглые стороны на кусках.

Подобин сладко уснул. На дворе еще темно. Казак Беломестнов слез с нар. Он смуглый, малого роста, чернявый. Недавно вернулся из экспедиции на Амгунь, куда ходил с офицерами. Обувшись, он ушел на мороз. Вскоре слышался стук. Казак скалывал лед с бочки, в которой возил пресную воду с речки Иски. Прежде возил штрафной матрос старик Яков Мокринский, но заболел.

Вот еще чьи-то худые жесткие ноги в ссевшихся цветных коротких портках спустились на пол. Это казак Иван Масеев, якут. У него орлиный маленький нос на широком лице с сильно набухшими скулами.

— Че, утро? — спросил он, протирая глаза, живо надел торбаса и в одной рубашке ушел на мороз.

Поднялся Парфентьев. Ему надо готовить собак и нарты.

В казарме запахло дымом.

— Что это, боже мой! Опять дыма полно, — заворчала старуха Парфентыха, как зовут тут тещу Семена, — глаза ребенку выест.

Заорал младенец Калашниковых. Алена кинулась к нему, и он сразу стих. Слышно было, как ребенок засосал материнскую грудь. Тяжело вздохнул неспавший Фомин.

Вернулся Беломестнов и поставил деревянный молоток.

Собаки завыли. Они встречают рассвет, ждут корма. Гиляк Питкен, видно, еще не напарил им юколы.

Вода в котле закипела. Калашников высыпал крупу. Алена помогает мужу, топит в миске соскобленную цвель. Ведь и в ней жир, и ему нельзя пропасть, как крупице золота.

Вошли штурманский поручик Воронин, средних лет, темно-русый, с обветренным лицом, как у гиляка, и старший унтер-офицер Козлов. Он мал ростом и щупл. У него сухое, бледноватое узкое лицо, безбровое, с маленькими глазами. От едва заметных скул по щеке падают глубокие морщины.

— Что же плита так дымит? — спросил поручик, глядя, как время от времени дым вырывается из-под котла. Унтер Козлов заглянул в плиту.

— Да маленько камень завалился, — ответил Калашников.

— Неужто погода опять переменится, — беспокоится Матрена. — Однако, пурга не схватит ли тебя в дороге? — говорит она мужу.

— Стройся! — раздался голос младшего унтера Салова.

Воронин и Козлов назначали людей на работы.

Глава вторая

КАПИТАН

...мне мои гуси всегда кажутся лебедями.

Чарлз Дарвин¹

— Подобин, к тебе дружок приехал, — появляясь в полдень в дверях, сказал казак Беломестнов. За ним вошел молодой гиляк с румяным лицом.

— А-а, Таркун!

Иван летом выменял у Таркуна шкуру лося за несколько старых гвоздей и кусочек листового железа. Он подстилает шкуру на нары и берет с собой в дорогу, когда предстоит ночлег в лесу. А Таркун из железа сделал наконечники для стрел и подстилку под ступни на лыжи, это он сам придумал. Его лыжам теперь завидуют все гиляки.

Подобин перекладывает в углу топку. Гиляк присел на краешек нар, глядя на разломанную плиту. Кто-то ткнул его в спину, он оглянулся и увидел Мокринского, дрожащего от гнева.

— Куда ты, погань, лезешь? Вшей-то по нарам трясти.

— Что значит погань, — заметил Подобин, — он такой же человек.

— Нехристь! Тьфу! — плюнул старик.

Таркун отпрянул и присел на корточки у двери.

— Что это ты? — укоризненно спросила Алена, обращаясь к Мокринскому.

— Даром их нечего приваживать! — заметил Беломестнов.

— Закурим, — доставая кисет, сказал гиляку Подобин. — Сиди, сиди, никто не тронет. — Матрос пригласил гиляка на свое место на нарах, но тот не пошел. — Вот печку перекладываем...

В сениях раздались стук, голоса. Вскоре появились матросы в полушубках. Они с острова Удд привезли две нарты досок.

¹ Цитата из письма Чарлза Дарвина английскому путешественнику Джозефу Долтону Гукеру от 13 апреля 1855 года.

Там еще по осени разобрали корпус разбившегося брига «Шелихов».

— Эка грязи сколько развели! — со злом сказал курносый матрос Фомин, видя разломанную плиту, глину и камни, но тут же усмехнулся, заметив в висевшем на стене зеркале красивое лицо Алены.

— Становись с мутовками! — раздалась команда Салова.

Получив порцию рыбных щей и хлеба, люди подходили к столу и садились на лавки. Молодые ели, держа мутовки на столе, а некоторые пожилые, желая, видно, чтобы во время еды к ним никто не привязывался и не нарушал наслаждения, отворачивались от общего стола и хлебали варево, жадно заедая хлебом.

Алена дала и гиляку мутовку, объяснила, чтобы становился в ряд. Муж ее налил гиляку щей. Матрена Парфентьева подала гостю кусок хлеба и показала, чтобы сел к столу, но гиляк устроился на полу подле нар, поджав под себя ноги, и тоже стал быстро есть.

— Мяса нет, все рыба ржавая, — жаловались за столом.

Таркун немного понимал по-русски.

— Разве мяса нет? — тихо спросил он сидевшего рядом Ивана Масеева по-гиляцки.

— А где же оно? — отозвался тот.

Казак Иван Масеев, живя на посту, быстро выучился понимать по-гиляцки. Поговаривали, что он и прежде бывал тайком в здешних местах с богатыми якутами-торговцами и поэтому язык легко дался ему. Масеев и гость о чем-то поговорили между собой тихо.

— Таркун лося убил, да вывезти не может, — через некоторое время заметил Масеев как бы между прочим.

Все стихли.

— Хорошо, что ты к нам на праздник приехал! — вдруг сказал Беломестнов, наклоняясь к Таркуну. — Ведь завтра праздник, царский день! Эх и хороший же ты парень.

— Что же сидишь там, иди к столу! — сказал Фомин, теснясь на лавке. Сразу весь ряд подвинулся, давая гиляку место.

— Так где, говоришь, это мясо? — спросил Салов.

Таркун молчал, делая вид, что не понимает. Он знал: искийские гиляки уверяют русских, что лоси ушли, как только стали подходить суда и стрелять из пушек.

— Ну а что же ты мясо не довез? Может, съездить за ним? — спросил боцман Козлов.

Рослый казак Андриан Кузнецов, молодой, с широким свежим лицом, с толстыми ногами и огромной спиной, раньше всех управился и со щами, и с кашей. Помолился на икону, подошел к кадлушке, зачерпнул полный ковш воды и выпил до дна.

— Вот водица хороша, — сказал он, утирая рот и прокуренные пегие усы ладонью. — Спасибо, Кирша!

— Пейте, ребята, на здоровье, — сказал Кир Беломестнов. Он сегодня привез полную бочку пресной воды. — Пока речка Иска поит. А вот, однако, скоро лед накатит с моря, и эту речку до весны не сыщешь.

Пресную воду трудно добывать, как и тепло для людей, как корм для скота. В колодцах вода солоноватая, а часто и совсем соленая.

— Бывает же такая вода вкусная! Прямо совсем несоленая! Хорошо водой обед заглушить! Спасибо, казак! — подтвердил матрос Конев, тоже управившийся с обедом, принимая полный ковш из рук подобрешшего Андриана Кузнецова.

Вечером оленья парка¹ Таркуна лежала горой на нарах, а его новые торбаса валялись под столом. Гиляк босой сидел у вновь сложенной печи. Он сходил в тайгу с Коневым, Калашниковым и Беломестновым. На нарах притащили тушу зверя.

— Пусть остается ночевать, — говорили в казарме.

— Надо дозволение от поручика Воронина.

— Сегодня баня. Пусть помоеся.

— Можешь спать тут на нарах, места хватит, — стараясь сгладить свою вину, говорил больной старик Мокринский. — Сходи в баню, хорошо там! Для своего удовольствия!

Подобин пошел к капитану просить от имени команды позволения помыть гиляка и оставить его ночевать в казарме.

...В бане душно. Жар пышет от раскаленных камней. Подобин плеснул ведро ледяной воды на каленые камни. Зашипело. Пар хлынул белой пеленой. В клубах его Подобин, Фомин, Конев. Таркуна потянули туда же.

— Ты совсем разденься, штаны-то сними, не бойся. Не стыдись.

¹ Парка — шуба из оленьих шкур, надевающаяся через голову.

— А теперь плесни на него горяченьким. Не бойсь, Таркун, смотри, мы уважение завсегда сделаем. Да ты не кричи как резаный.

Таркуна вдруг принялись хлестать вениками.

— Чего дерешься? — заорал гиляк, понимая, однако, что ему стараются угодить.

— Ну и меня вениками, пожалуй! Ну-ка возьми и сам хлещи теперь меня, — сказал Подобин, давая гиляку веник. Гиляка опять окатили из ведра.

— Ты что? — не на шутку разъярился Таркун.

Подобин нагнул ему голову и намылил лохматые волосы. Кто-то поливал, потом ветошью терли спину.

«Такое баловство с кипятком! — думал гиляк. — Можно заживо свариться».

— Давай с дресвой, а то не берет...

— Белеет уж, белеет...

— Домой приедешь, баба на тебя не налюбуется, — сказал Иван. — Не признает, скажет: чей такой молоденький?

— А ты, Ванька, волосатый, как медведь, — надевая подаренное новое белье, отшучивался Таркун в предбаннике.

«Зимой вымылся! Этого еще не бывало, — удивлялся он в душе. — Так терли и мыли, боялся, что сдерут кожу, зато теперь легко».

На другой день после молебна и пальбы из пушек и ружей солдаты и матросы прошагали по расчищенному месту около казармы перед капитаном, потом стали и разошлись. Парад окончился.

«Капитан какой молоденький, — думал Таркун, — и ростом небольшой. Если начальник — старик должен быть обязательно, как у маньчжуров. Старый — умный, а молодой — еще дурак!»

Бывая тут и видя издали Невельского, Таркун всегда хотел с ним познакомиться.

Присутствовавших гиляков пригласили в казарму на угощение. Гиляки садились вперемежку с русскими за большой стол, сложенный во всю длину казармы из досок. Всем подали мутовки с кашей, а детям — леденцы и сухари. Тут же сидел рядом со стариками сам капитан и тоже ел кашу.

— А как пушки, всегда у вас заряжены? — спрашивал Ивана Масеева какой-то гиляк.

— Или как ружье — заряжается, когда надо стрелять? — приставал другой.

— По уставу! — отвечал Масеев.

— Что такое устав?

Устав нашелся у молодого солдата. Боцман Салов на днях велел ему выучить раздел: «Нижние чины и лошади».

Капитан после ужина позвал к себе некоторых гиляков.

Влезгун — патлатый, сутулый искиец лет семидесяти, с соловыми глазами, торговавший в зимнем стойбище водкой, — остался в казарме. Сидя рядом с Таркуном, он вспомнил Джонку-китолова, что придет летом и привезет много рому, тогда будет веселей, и что с Джонкой он кашу не ест. Матросы позвали Таркуна в свою компанию.

— Сыграем в дурака, — тасуя колоду, сказал Подобин.

Таркуну хотелось пойти к капитану. Но он сел играть в карты.

Четверо казаков взяли ружья и оделись в тулупы. Они выстроились перед казармой, и коренастый боцман повел их. У пушек сегодня двое часовых, у склада — один и у флага, где молились и стреляли, — тоже часовой. Часовые время от времени меняются. Все выпили по чарочке, но пьяных нет. В казарме у стойки с ружьями тоже стоит часовой и никому не позволяет трогать оружие.

Иван Подобин стал собираться с Таркуном к капитану. По дороге гиляк доказывал, что валенки — дрянь, а не обутки, ноги в них преют и от этого болят; ступню надо заворачивать в траву, и мороз не застудит. Есть такая теплая трава. Тогда обутки можно носить легонькие.

Вошли в сени к Невельским, очистили метелкой ноги. Вышла Дуняша, служанка Невельских. Шея у Таркуна вытянулась, стала тонкой, голова задрожала. За дверью слышны голоса. Сильно пахло табаком. Дуняша позвала капитана.

Быстро вышел Невельской. Распахнул боковую дверь в кухню, где горела свеча и где кто-то маленький, седой и курчавый, возился с посудой. Дуняша прошла туда же, пособлать.

— А-а! Милости просим, — сказал капитан, обращаясь к Таркуну.

— К вам, Геннадий Иванович, приятель мой, — пояснил матрос.

Невельской обнял гиляка и поцеловал в обе щеки. «Верткий и ловкий сам, как соболь, — решил Таркун, — лапы цепкие!» Капитан поблагодарил Подобина и отпустил, а гиляка повел в большую комнату.

Стол там сдвинут к стене. На полу, посреди комнаты, поджав ноги, сидели старые гиляки в нерпичьих шкурах. Капитан подвел Таркуна и предложил садиться. Лохматые старики потеснились. Таркун робко опустился. Капитан устроился на низком табурете. Рядом с ним Ездонок, важный старик из стойбища Пуир на устье Амура, неподалеку от деревни, где живет Таркун.

Все с трубками, дым валит клубами. То и дело руки тянутся к коробке с табаком.

Ездонок продолжал рассказывать. Переводил узколобый, горбоносый гиляк Питкен, здешний, из стойбища Иски. Большие верхние зубы у него выдались наружу так, словно он всегда смеется. Он служит в экспедиции. По левую руку капитана — лицом в один цвет с гиляками — Воронин. Таркун знал его немного. Вчера по его приказанию приказчик выдал Таркуну белье.

Ездонок на куске бересты рисовал ножом какие-то горы и берег моря с заливами, потом тропы.

Таркун, глядя на его большую круглую коричневую лысину, подумал, что не будет ничего хорошего, если придется просидеть весь вечер среди стариков, где считаешься глупей всех, рта не раскроешь при таких злых медведях. Он решил при удобном случае убраться отсюда потихоньку в казарму к Ваньке Подобину, где можно опять сыграть в дурака.

Вошла та самая маленькая русская в шелестящих одеждах с цветами и с седыми волосами, которая возилась за дверью у плиты с девочкой. Таркун испугался, но заметил руки молодые и нежные, держащие поднос с чашками. Он сообразил, что это, видно, жена капитана. «Зима, а на ней цветы, еще совсем молоденькая, а волосы как седые. Такие волосы у русских бывают даже у детей».

— Знакомься с гостем, Катя, — обратился к ней капитан. «Так, правильно, это Катя! — подумал гиляк. — Я угадал!»

Екатерина Ивановна расставляла чашки. Одну она поставила перед Таркуном и, подвинув себе низкий табурет, присела подле мужа.

Она прекрасно знала, что открыто экспедицией и что еще следует открыть, куда направлены поиски. Она знала карту края и представляла, что означают ее необъятные белые пятна. Муж не раз говорил: «Главное, это гавани на юге. Они находятся южнее Де-Кастри и тянутся одна за другой до корейской границы».

Когда муж найдет средство разорвать путы, наложенные Петербургом на его руки, он откроет их. Он говорит, что со временем там будут цветущие города и отличные порты, там теплей и людям удобно жить. Туда явятся к нам все флаги со всего мира по океану. Именно о тех далеких бухтах, которые почти не замерзают, рассказывает сейчас Ездонок. Поэтому так светел сейчас взгляд мужа и он так бережно берет куски бересты из рук старика.

Да, у экспедиции есть цели дальние, только достигнув которых муж сможет считать свое дело исполненным. Он говорит: в будущем Сибирь — не ледяной мешок, не каторга, не проклятая страна, а преобразованный трудом и наукой цветущий край, преисполненный благами жизни, заселенный сотнями миллионов людей. Во льдах и снегах, в самом гнилом и туманном месте Охотского моря, где его держали петербургские чиновники, он мечтает и трудится для будущего. Одновременно экспедиция достигает целей ближних, не менее важных и кладущих основу для достижения целей дальних.

В то время как на посту стараются сберечь людей и установить доброе соседство с гиляками, лучшие офицеры и служащие экспедиции — ее цвет и надежда — стремятся к этим целям. В чудовищные морозы они бредут среди лесов и снегов, по горам и замерзшим рекам, чтобы совершить необходимые открытия. С ними смелые проводники — казаки, уроженцы Охотского побережья и преданные туземцы. Каждая экспедиция из двух-трех человек. Описываются реки. Ищутся пути по краю, идет торговля.

Ездонок поманил Катю, показал на свою трубку и на опустевшую коробку табаку. Катя принесла другую коробку, раскрыла и набила старику трубку. Ездонок в знак благодарности потрепал своей тяжелой рукой маленькое плечо хозяйки.

Вошла Дуняша с блюдом горячих лепешек. Это любимое кушанье гиляков. Берестяные карты убрали. Появился горячий чай. Разговор переменялся.

— Я очень рад, что ты зашел, — обратился капитан к Таркуну. — Откуда ты, из какой деревни?

Молодой гиляк широко улыбнулся и подсел поближе. Оказавшись рядом с Катей, он покосился на цветы, украшавшие ее платье, почувствовал запах цветов. Но не может быть сейчас цветов. Это все так сделано, и даже запах русские подделали.

Гиляк ответил Невельскому, что живет на острове Лангр, неподалеку, объяснил, что от материка идет эта длинная песчаная коса, где стоит пост, потом узкий пролив и очень длинный узкий остров Удд, как продолжение косы, потом опять пролив и остров Лангр в лимане реки. Невельской это сам знал. Таркун снова посмотрел на цветы на платье.

Екатерина Ивановна заметила его любопытство и спросила:

— У тебя есть жена?

Питкен перевел.

— Да, есть жена, — ответил Таркун.

— А ты любишь свою жену? Она красивая? — чуть клонясь к Таркуну, вдруг спросила Катя на чистом гиляцком языке.

Гиляки остолбенели. Старый Ездонок закашлялся, как бы поперхнувшись. Таркун был поражен и вытаращил глаза, морща лоб. Катя смотрела ожидающе, а глаза ее цвета морской воды становились все нежней и мягче, но, кажется, это притворство, она подсмеивалась над мужчиной.

— Красивая! — гордо ответил Таркун. Его открытое и смелое лицо вспыхнуло; оно понравилось Кате выражением достоинства.

— Но почему не скажешь, любишь ли ее?

— Конечно люблю! — решительно ответил гиляк, зная, что позорит себя перед стариками.

— Тогда возьми для нее вот это. — Маленькие руки Кати быстро откололи одну из веток искусственной сирени, что присланы были фирмой «Герлен» в Иркутск из Парижа еще к прошлому осеннему сезону вместе с платьями, тафтой и выкройками.

Таркун взял цветы на обе полураскрытые ладони, но смотрел не на цветы, а на Катю.

— Почему ты не привез свою жену? Разве вы не берете с собой жен, когда едете в гости? — продолжала Катя, с трудом подбирая слова и обегая взглядом стариков, как бы приглашая их

НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧ ЗАДОРНОВ

ВОЙНА ЗА ОКЕАН

Ответственный редактор Кирилл Красник
Художественный редактор Татьяна Павлова
Технический редактор Мария Антипова
Подготовка иллюстраций Дмитрия Кабакова
Корректоры Ирина Игнатьева, Ольга Золотова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 11.08.2025.
Формат издания 60 × 88 1/16. Печать офсетная. Тираж 4000 экз.
Усл. печ. л. 45,08. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» —	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ —
обладатель товарного знака АЗБУКА®,	АЗБУКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қ.,
в г. Санкт-Петербурге,	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы,
191024, Санкт-Петербург,	191024, Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12–14, лит. А	Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А
Тел. (812) 327-04-55	Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басыл шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы
мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

16+

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

A-ARL-39236-01-R